A 227
1071

ИЗЪ ИСТОРІИ ГОРОДА ПСКОВА

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI СТОЛѢТІЯ.

СВЯТОЙ НИКОЛАЙ САЛОСЪ,

ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВЫЙ.

Д. П.

НЕМИРОВЪ
Типографія Р. Б. Шерра, Липковая улица.
1894.

2007044173

ИЗЪ ИСТОРІИ ГОРОДА ПСКОВА

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI СТОЛѢТІЯ.

СВЯТОЙ НИКОЛАЙ САЛОСЪ,

ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВЫЙ

Д. П.

ГПИБ

НЕМИРОВЪ
Типографія Р. Б. Шерра, Липковая улица.
1894.

Дозволено Цензурою г. Кіевъ 17 марта 1894 г.

Изъ исторіи города Пскова второй половины XVI столѣтія.

Св. Николай Салосъ, Христа ради юродивый.

Перенесемся мысленно на нѣсколько минутъ въ древній Псковъ и посмотримъ, каковъ былъ нашъ городъ 300 лѣтъ тому назадъ, во второй половинѣ XVI столѣтія, и что въ немъ происходило. Вотъ что говоритъ о нашемъ городѣ одинъ иностранецъ, любовавшійся Псковомъ издали около этого времени: „Мы любуемся Псковомъ. О Боже! это нѣчто величественное, какъ бы другой Парижъ. Городъ чрезвычайно большой; въ Польшѣ нѣтъ ему равнаго по величинѣ; весь обнесенъ стѣнами; церкви часты, какъ лѣсъ, и всѣ каменныя; домовъ за стѣнами не видно." (Это пишетъ секретарь Стефана Баторія, короля польскаго, Петровскій). На стѣнахъ были окна для огнестрѣльныхъ орудій, а въ башняхъ—ворота для входа въ городъ. Въ самомъ городѣ дома почти всѣ были деревянные, низенькіе: древніе

псковитяне считали для себя вреднымъ жить въ домахъ изъ плиты. Кремль или „Дѣтинецъ“ былъ необыкновенно величественъ. Онъ расположенъ на самомъ высокомъ холмѣ надъ рѣкою Великой, при сліяніи ея съ Псковой и обнесенъ стѣнами. Стѣны были усѣяны церквами; среди нихъ возвышался главный храмъ Святыя Троицы, центръ единенія псковитянъ. Около этого храма въ давнія, сѣдыя времена шумѣло мощно, какъ дремучій боръ во время бури, псковское вѣче, рѣшались гражданскія и военныя дѣла; около своей святыни предки псковичей почерпали военную и гражданскую доблесть. Въ Дѣтинцѣ вблизи этого храма хранилось все, что было цѣннаго для псковичей: ларь, или по нынѣшнему, архивъ всѣхъ договоровъ, заключенныхъ Псковомъ съ разными государствами и владѣтельными особами; здѣсь находились запасы хлѣба и артилерійскихъ принадлежностей, пороховые погреба и вообще все, что относилось къ безопасности, цѣлости и величію Пскова. Каждое старое зданіе или даже его развалины, каждое мѣстечко, каждый уголокъ во Псковѣ воскрешаетъ свѣтлыя воспоминанія изъ далекаго прошлаго и невольно погружаешься въ него душой: сколько въ немъ было своеобразнаго, оригинальнаго, само-

бытно-русскаго во всемъ! Возьмемъ, напримѣръ, храмъ Святыя Троицы. „Святая Троица,“ это дорогое для псковитянъ имя, какое многообъемлющее значеніе имѣло! Подъ нимъ разумѣли прежде всего (въ собственномъ смыслѣ) Бога, въ Троицѣ славимаго, затѣмъ (въ переносномъ значеніи, въ какомъ оно употребляется въ историческихъ памятникахъ),-свою вѣру православную съ ея опредѣленнымъ ученіемъ, богослуженіемъ и обрядами, свой отечественный городъ, гдѣ главный храмъ былъ храмъ Св. Троицы, своихъ всѣхъ православныхъ соотечественниковъ и свое общественное устройство, основанное на началахъ православной вѣры. Что дѣйствительно было такъ, мы укажемъ, какъ на доказательство, на рѣчь Св. Довмонта Миндовговича предъ битвой съ литовцами въ 1266 году. „Братья Псковичи!“ говорилъ онъ: „кто старъ изъ васъ, тотъ отецъ мнѣ; кто молодъ, тому я братъ. Я слышалъ о вашемъ мужествѣ; предъ вами жизнь и смерть. Братья! постоимъ за Святую Троицу!“— Если бы мы тогда походили по улицамъ Пскова, то открыли бы много своеобразныхъ явленій. Во второй половинѣ XVI столѣтія мы очень часто встрѣчали бы тамъ одного престраннаго человѣка. Представьте: онъ одѣтъ въ длинную рубашку

изъ холста или новины, опоясанъ по ней простою веревкой; на головѣ ничего нѣтъ; волосы не стрижены, не причесаны и не мыты; ноги босы и ничѣмъ не одѣты; въ рукахъ у него длинный посохъ—палка; на первый взглядъ какъ будто не совсѣмъ опрятенъ. Въ такомъ нарядѣ и видѣ этотъ человѣкъ ходилъ по городу круглый годъ, и зимой и лѣтомъ. Если бы теперь предъ нами явился такой человѣкъ въ такое холодное февральское время, то мы изумляясь стали бы негодовать и сожалѣть, что этотъ несчастный дошелъ до такого страшнаго состоянія, и, быть можетъ, первые подали бы голосъ о томъ, что этому несчастному въ такомъ безобразномъ видѣ не слѣдуетъ позволять бродить по городу, чтобы онъ и не смѣлъ появляться предъ нашими глазами, что нужно его какъ-нибудь исправить. Въ старую пору именно такъ и случилось: били, колотили, гнали, смѣялись, ругали этого человѣка и ничего не могли сдѣлать. Онъ какъ будто еще радостнѣе, еще веселѣе становился, когда его поколотятъ и поругаютъ, нарочно шелъ именно туда, гдѣ онъ болѣе встрѣчалъ ругани, побоевъ, презрѣнія и смѣха, и благодушно подшучивалъ надъ собой: „Не все по шерсти, ино и напротивъ. За дѣло побьютъ—повинись

да пониже поклонись. Не плачь битый, плачь не битый". Всѣ, видѣвшіе этого человѣка и приглядѣвшіеся къ нему, рѣшили, что онъ отъ природы глупенькій, малоумный, положили уже не бить его, а даже защищать; ибо за что бить малоумнаго, если онъ отъ природы таковъ? Изъ сожалѣнія стали ему предлагать одежду потеплѣе и приличнѣе, помѣщеніе теплѣе и суше. Но онъ отъ всѣхъ предложеній отказывался и въ своемъ однообразномъ нарядѣ безъ измѣненія зимой и лѣтомъ проходилъ не дни и мѣсяцы, а цѣлые годы до самой смерти. Впрочемъ, лѣтъ за 8 до смерти онъ сдѣлалъ одну уступку: согласился жить подъ соборной троицкой колокольней, мѣстомъ наиболѣе постояннаго его пристанища. Большею же частію проводилъ онъ ночь при входѣ въ соборный храмъ, на паперти или подъ городскими стѣнами. Замѣчая, что онъ человѣкъ совсѣмъ безобидный, ласковый ко всѣмъ, добрый и простой, питавшійся добровольнымъ подаяніемъ безъ просьбъ съ его стороны, а остатки всегда раздававшій бѣднымъ-нищимъ, псковитяне стали любить его и лишь иногда подшучивали надъ нимъ; а этотъ малоумный всякую шутку принималъ съ любовію, вовсе не оскорбляясь. И самъ шутилъ благодушно, никого не обижая. Иногда среди этихъ раз-

говоровъ онъ скажетъ что-нибудь изъ Слова Божія или пословицу русскую или присказку да такъ, что его слово такъ и вопьется въ сердце и забыть нельзя: однихъ оно радовало, другихъ постоянно тревожило. Многіе и очень многіе по короткимъ его разговорамъ и поступкамъ убѣдились, что этотъ человѣкъ вовсе не малоумный, что въ немъ, въ его краткихъ словахъ, въ его кроткой благодушной рѣчи слышится сила Божія, Божія правда и любовь. Его стали еще болѣе любить, уважать и даже бояться, прислушивались внимательно къ его наставленіямъ и просили у него совѣтовъ. Одинъ иностранецъ, бывшій въ то время во Псковѣ, пишетъ: „его боялись и уважали какъ Государь, такъ и народъ, который повсюду за нимъ слѣдовалъ." Этотъ страшный мужъ, котораго уважалъ, любилъ и боялся псковскій русскій народъ и даже Государь, былъ Святой Николай Салосъ, Христа ради юродивый, псковскій чудотворецъ. Онъ и нынѣ недалеко отъ насъ: его мощи почиваютъ подъ соборнымъ холоднымъ храмомъ Пскова подъ правымъ придѣломъ въ закрытомъ дубовомъ гробѣ.

Святой Николай сослужилъ великую службу псковской землѣ. Не угодно-ли вашему благо-

склонному вниманію послушать разсказъ объ этомъ. Въ 1570 году въ половинѣ февраля до г. Пскова дошла страшная вѣсть: царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, разгромивъ Новгородъ, но не насытившись еще кровію, идетъ на Псковъ, замышлявшій будто бы ему измѣну. Наконецъ, узнали, что царь съ опричниками уже остановился въ 5 верстахъ отъ города въ селѣ Любятовѣ. Это было въ субботу 19 февраля на второй недѣлѣ Великаго поста. Невозможно описать ужасъ, овладѣвшій псковичами. По улицамъ раздавались плачъ и рыданія. Иные хотѣли бѣжать въ лѣсъ; другіе, наиболѣе смѣлые, рѣшились запереться въ городѣ и сопротивляться. Составили совѣщаніе. Намѣстникъ царскій, князь Юрій Токмаковъ, уговаривалъ псковитянъ положиться на волю Божію и принять царя съ покорностію въ надеждѣ, что онъ не рѣшится на убійства. Не безъ участія былъ при этомъ и святой Николай. Рѣшено было поступить по совѣту князя Юрія. Ночь съ субботы на воскресенье была необыкновенная, ужасная ночь. Еще съ вечера былъ заунывно страшный вѣтеръ, похожій на бурю, поднялъ снѣжную метель, рвалъ крыши съ домовъ. Никто изъ псковичей не ложился и не могъ спать. Всѣ граждане проводили ночь въ

молитвѣ. Въ самую полночь раздался благовѣстъ и звонъ къ воскресной заутренѣ и по вѣтру доносился до Любятовскаго монастыря, гдѣ былъ царь. Грозному, когда онъ шелъ къ утренѣ, живо вообразилось, съ какими чувствами идутъ псковскіе граждане въ храмъ Божій, многіе изъ нихъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ. Суровое сердце царя смягчилось, и онъ сказалъ своимъ воеводамъ: „„иступите свои мечи о камни, да престануть убійства!“ Но на эти слова Грознаго нельзя было положиться: достаточно было малаго повода къ подозрѣнію въ измѣнѣ, чтобъ явились у царя самыя жестокія намѣренія, исполненіемъ которыхъ онъ не медлилъ. Утромъ въ воскресенье (20 февраля) погода стихла, и царь, воспользовавшись затишьемъ, послѣ обѣдни поѣхалъ во Псковъ. Въ это время въ нашемъ городѣ было необыкновенное зрѣлище. У воротъ Запсковья стояли съ открытыми головами намѣстникъ, князь Юрій Токмаковъ, бояре и всѣ служилые люди въ ожиданіи царскаго въѣзда. Царскій дьякъ, Евдокимъ Мунехинъ, держалъ на серебряномъ блюдѣ коровай хлѣба и солонку. По всѣмъ улицамъ до кремля противъ воротъ каждаго дома были разставлены столы съ разными постными кушаньями; предъ столами стояли псковитяне

въ праздничныхъ нарядахъ. Все городское духовенство собралось въ Троицкій соборъ во главѣ съ игуменомъ Псково-печерскаго монастыря святымъ Кориліемъ. Звонари на колокольняхъ и сторожа на кострахъ, или башняхъ, внимательно смотрѣли по направленію къ селу Любятову. Ожидая грознаго гостя, всѣ были въ неописанномъ страхѣ, какъ приговоренные къ смерти... Среди этой торжественно-печальной мрачной обстановки одинъ только человѣкъ въ длинной бѣлой рубашкѣ, подпоясанный веревкой, смѣло и беззаботно разгуливалъ по улицамъ, перебѣгая босыми ногами отъ одного стола къ другому и стараясь ободрить своихъ перепуганныхъ на смерть сограждан. „Не бойтесь, братцы! не сожретъ царь Продъ,—самъ подавится,“ приговаривалъ этотъ смѣльчакъ со смѣхомъ. Это былъ юродивый Николай или, какъ его въ то время звали, Никула святой. „Коли Никула Святой веселъ,“ утѣшали другъ друга псковитяне, „то Богъ милостивъ: все минетъ благополучно.“ Какъ только показался вдали царскій поѣздъ, съ колокольни Троицкаго собора и всѣхъ городскихъ церквей раздался торжественный звонъ. Стоявшіе у воротъ ударили царю лицомъ до земли, т. е., всѣ поклонились земно. Намѣстникъ принялъ

отъ дьяка хлѣбъ-соль и съ низкимъ поклономъ сталъ передавать царю. Но Іоаннъ взглянулъ на него яростно и такъ сильно толкнулъ блюдо, что солонка покатилась, и соль разсыпалась. По старой примѣтѣ, это не предвѣщало добра. Всѣ вздрогнули отъ ужаса. Царь ѣхалъ по городу. Мужья, жены и дѣти преклоняли колѣна, встрѣчая проѣзжающаго царя у своихъ домовъ съ хлѣбомъ-солью. Во время всеобщаго страха и этого торжественнаго въѣзда предъ царемъ явился юродивый Николай, прыгая на палочкѣ, какъ это дѣлаютъ маленькія дѣти, „себя въ коня преобразивъ,“ ѣдетъ на встрѣчу царю и говоритъ: „Иванушка, Иванушка, покушай хлѣба-соли, а не человѣческой крови!“ Царь приказалъ опричникамъ, этимъ слѣпымъ служителямъ казней грозныхъ Іоанна, схватить дерзкаго, но блаженный исчезъ, скрывшись куда-то. Странно, что псковичи позволили этому юродивому итти на встрѣчу царю. Неужели они не подумали, что такая встрѣча еще сильнѣе можетъ вооружить подозрительнаго царя? Нѣтъ, они объ этомъ и не думали. Всѣ ввѣрились юродивому и не сомнѣвались, что все, что дѣлаетъ Святой Николай, клонится къ одному благу. Въ это время сталъ вновь подниматься порывистый вѣтеръ, готовый

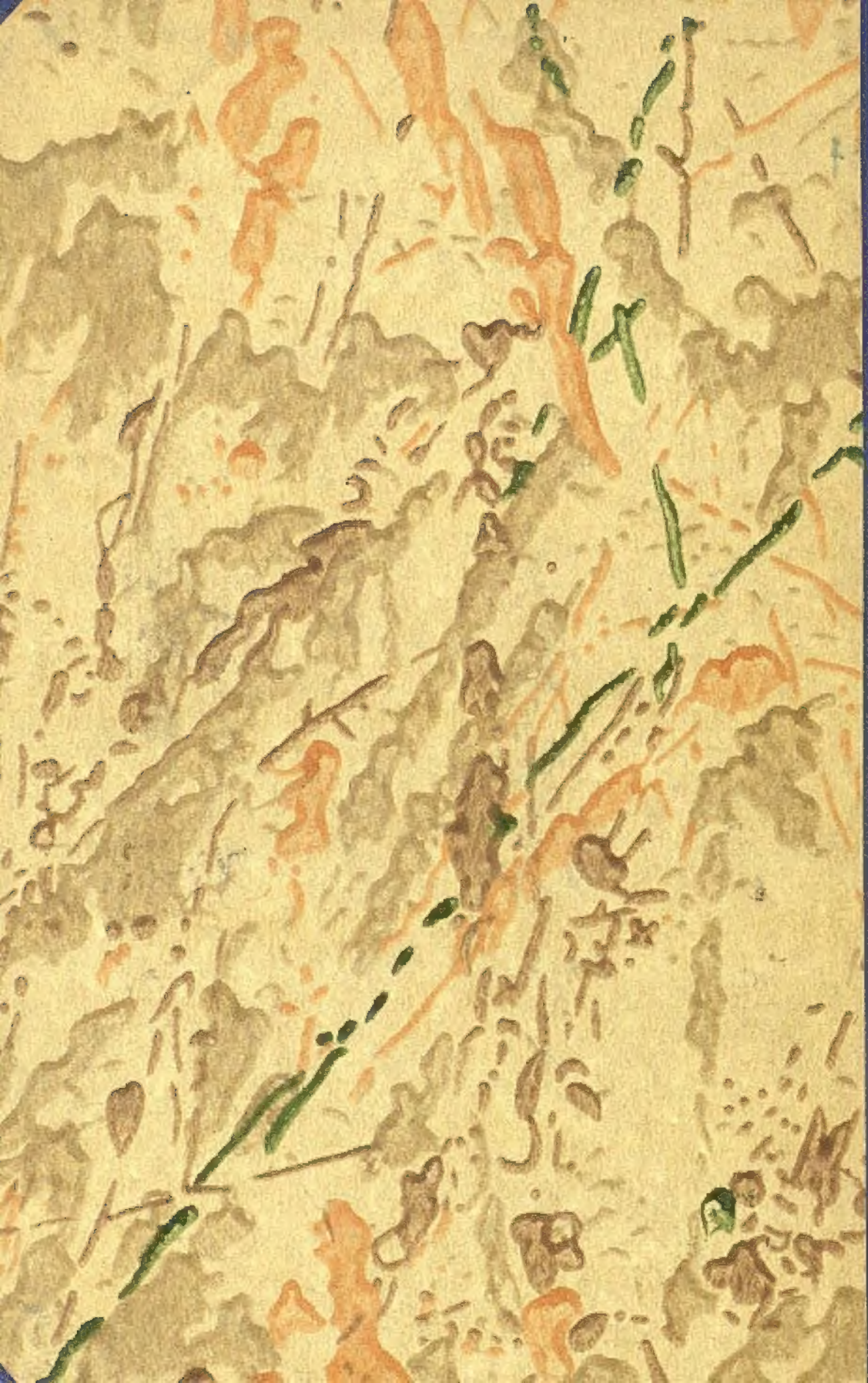
перейти въ страшную бурю. Свистъ и шумъ вѣтра и звонъ городскихъ колоколовъ смѣшался въ одинъ плачевный, заунывный вой. Царь направился въ Троицкій соборъ. гдѣ былъ встрѣченъ на паперти печерскимъ игуменомъ Св. Корнилiемъ и городскимъ духовенствомъ. Выслушавши молитву за царя и многолѣтіе, приложившись къ мощамъ Св. Гавріила—Всеволода, Іоаннъ вышелъ изъ церкви. Здѣсь вновь царя встрѣтилъ неустрашимый Св. Николай и неотступно звалъ его къ себѣ въ келью, подъ трюцкую соборную колокольню. Царь внутренно боялся юродиваго. Въ царѣ боролись два чувства: чувство собственной безграничной власти и могущества и чувство страха предъ Богомъ, Который сіялъ своею истиною и правдою въ Святомъ Николаѣ, предъ Богомъ, Который можетъ чрезъ святыхъ своихъ безъ огня и мечей побѣждать всякое земное могущество. Царь, наконецъ, для успокоенія себя склонился на просьбу Св. Николая. Въ тѣсномъ и убогомъ помѣщеніи юродиваго, на лавкѣ была разостлана скатерть и на ней лежалъ огромный кусокъ сырого мяса. „Покушай, Иванушка, покушай!“ приговаривалъ юродивый съ поклономъ, угощая царя.--„Я—христіанинъ и не ѣмъ мяса въ постъ,“ сурово промолвилъ Грозный, видя въ

этомъ постункѣ юродиваго правдивое правоученіе для себя. „Ты дѣлаешь хуже,“ замѣтилъ блаженный, „ты питаешься кровію и плотію христіанскою, забывая не только пость, но и Бога!“ Затѣмъ, сильнымъ словомъ, какъ истинный вѣстникъ Бога Вседержителя, Святой Николай здѣсь же въ кельѣ грозилъ царю, что онъ будетъ пораженъ тою самою бурею, которая вотъ теперь кругомъ на улицахъ, если только онъ или кто-либо изъ его воиновъ коснется въ гнѣвѣ и не по правдѣ хотя одного волоса на головѣ послѣдняго ребенка во Псковѣ: что Ангелъ Божій хранитъ Псковъ для лучшей участи, а не на разграбленіе, и что царь долженъ выйти изъ города прежде, чѣмъ Божій гнѣвъ разразится надъ нимъ изъ огненной тучи, которая, какъ онъ самъ можетъ теперь видѣть, виситъ надъ его головой. Въ это время были слышны самые сильные и мрачные порывы бури. Царь, чувствуя предъ собою рѣчь посланника Божія, содрогнулся и просилъ его молиться объ избавленіи и прощеніи ему его жестокихъ замысловъ, обѣщалъ никого изъ жителей не казнить. Выйдя изъ убогаго помѣщенія, царь услышалъ пріятный звонъ соборныхъ колоколовъ, приказалъ ихъ снять и взять лучшія вещи изъ ризницы. Но блаженный

Николай вновь грознымъ своимъ словомъ остановилъ грознаго царя. „Не трогаай пасъ, минухне!“ (т. е. проходящій мимо минующій). Ступай скорѣе прочь. Если еще помедлишь, то не на чемъ тебѣ будетъ бѣжать отсюда.“ Въ это самое время Малюта Скуратовъ, вѣрный слуга лютыхъ казней Іоанна, доложилъ царю, что самый лучшій его конь—аргамакъ палъ. Думая, что Святой Николай можетъ именемъ Божіимъ призвать иныя горшія бѣды на царя, Грозный поспѣшилъ скорѣе выѣхать изъ города и, поживъ нѣсколько времени въ предмѣстіяхъ Пскова и не находя никакихъ поводовъ къ подозрѣнію псковитянъ въ измѣнѣ, уѣхалъ въ Москву. Такимъ образомъ жалкій на видъ юродивый одержалъ побѣду надъ неумолимо—грознымъ царемъ, внушавшимъ всѣмъ страхъ и ужасъ „Сила Божія въ немощахъ совершается.“ Святой Николай преставился въ лѣто отъ сотворенія міра 7084-ое, а отъ Рождества Спасителя въ 1576 году 28 февраля. По теплой любви къ юродивому псковитяне похоронили его подъ правымъ придѣломъ Троицкаго Собора,—честь оказываемая лишь іерархамъ да князьямъ.

Близъ гробницы можно прочесть тропарь Святому: „Словенска языка псковскія земли

плотски въ юродствѣ бывъ, юродства претвореніемъ горнаго Іерусалима гражданинъ явися, ангеломъ свеселишися, мироточиваго Николаа званіе воспріимъ, съ нимъ-же всегда Христа Бога моли даровати намъ велію милость.“

ТИПОГРАФІЯ ШЕРРА
ВЪ НЕМИРОВѢ.

2007044173